

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФА О ВЕКАХ В «ГЕОРГИКАХ» ВЕРГИЛИЯ

Статья посвящена трансформации мифа о веках в «Георгиках» Вергилия. Мы сравниваем миф о веках в «Трудах и днях» Гесиода, «Явлениях» Арата, рассказ об эволюции людей в «О природе вещей» Лукреция и миф о веках у Вергилия. Как и поэма в целом, этот сюжет в «Георгиках» представляет собой синтез предшествующей дидактической традиции. Подобно Гесиоду, Вергилий дает надежду на «Золотой век в настоящем», вслед за Аратом сожалеет об уходе Справедливости. В отличие от греческих предшественников (но подобно Лукрецию) Вергилий пишет и о прогрессе, к которому привели окончание Золотого века и появление труда. Кроме того, мы полагаем, что миф о веках в «Георгиках» имеет этиологическую функцию: он объясняет появление в жизни людей labor, труда.

Ключевые слова: Вергилий, Георгики, миф о веках, Золотой век, Лукреций.

O. V. Sharshukova

Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. sharshukovaov@yandex.ru

Transformation of the myth of the Ages in Virgil's *Georgics*

This paper considers the transformation the myth of the Ages in Virgil's *Georgics*. The motive is an important part of the didactic tradition, and many other didactic topics (labor, the absence of justice, violence) are closely connected to it. I analyze and compare narrative of the Ages in Hesiod's *Works and Days*, *Phaenomena* of Aratus, the story of the evolution of the mankind in Lucretius' *On the Nature of Things* and the myth of the Ages in the *Georgics*. It is evident that this narrative in the *Georgics* (like the poem on the whole) is a synthesis of the preceding tradition. Virgil goes back nearly to Hesiod's traditional version of the myth in the first book, and also gives a hope of 'a Golden Age in the present' in the second. It is also mentioned that Justice had left mankind, as in Aratus' *Phaenomena*. Although Lucretius rejects myth and tells of the evolution instead, his narrative also can be treated as another version of this story and undoubtedly is an important precedent for Virgil. Like Lucretius and unlike their Greek predecessors, Virgil does not lament the moral decadance of the mankind here (or at least does it not so evidently). It is obvious that in the *Georgics* (and in the *On the Nature of Things*) not only evils followed the Golden Age, but the progress as well. It is a paradox that Virgil includes this idea in the traditional version of myth of the Ages: in

the *Georgics* it was Jupiter who stimulated this progress as a benevolent deity who resembles Aratus' Stoic Zeus. I also suppose that in the *Georgics*, this narrative has an etiological function (like in Aratus) and explains the presence of labor (an important concept of every didactic poem and the *Georgics* in particular) in the human life.

Keywords: Virgil, *Georgics*, myth of the Ages, Golden Age, Lucretius.

Миф о веках или о смене поколений — один из важнейших мотивов традиции дидактического эпоса, последователем которой является Вергилий. Многие из ключевых для дидактической традиции тем и понятий (осуждение войн и насилия, справедливость, труд) тесно связаны именно с этим мифом. Миф о веках в «Георгиках» представляет собой синтез и переосмысление предшествующей традиции. Также в поэме этот миф трансформируется, как мы полагаем, в подобие этиологического мифа, объясняющего появление труда в жизни людей.

Первое и наиболее развернутое повествование о смене поколений и деградации человечества мы находим в первой половине поэмы Гесиода «Труды и дни», а чуть ниже Гесиод пишет о справедливом и несправедливом полисах. Затем миф о веках мы видим в «Явлениях» Арата и в «Георгиках» Вергилия. Важно отметить, что и в поэме Лукреция, который отрицает возможность вмешательства богов в жизнь людей¹ (Lucr. V. 198–199), некое подобие этого гесиодовского сюжета также присутствует: культурному прогрессу человечества сопутствует моральная деградация (Lucr. V. 925–1457). В «Георгиках» Вергилия миф о смене веков описывается в первой книге, где Юпитер положил конец Золотому веку, в результате чего в жизни людей появился труд. Также в конце второй книги мы находим описание счастливой жизни земледельцев, подобное жизни Сатурна.

В «Трудах и днях» Гесиода пять поколений (γένος) людей сменяют друг друга, и каждое из них хуже предыдущего. Первое поколение (Op. 109–126) названо Золотым, следующее (127–142) — Серебряным, третье (143–155) — Медным, за ним следует поколение героев (156–174), и наконец, поэт рассказы-

¹ Лукреций, как правило, отвергает мифы, а Ифигению в Авлиде Лукреций приводит в качестве примера, к чему может побуждать смертных страх перед богами (Lucr. I. 101).

вает о пятом, Железном (175–201), современником которого является сам.

Далее Гесиод изображает два полиса. В одном из них люди справедливы, и боги в награду за это позволяют им жить в условиях, близких к условиям Золотого века (Ор. 225–237). Несправедливых же боги жестко наказывают, посылая им всевозможные беды Железного века (Ор. 238–247).

У Арата миф о веках трансформируется и сокращается. В «Явлениях» говорится точно о трех поколениях: золотом, серебряном и медном. Каждое из них, как и у Гесиода, хуже предыдущего. Кроме того, миф о веках в «Явлениях» — это этиологический миф, объясняющий происхождение созвездия Девы.

Лукреций, хотя и отказывается в силу своего рационализма от традиционного мифа о веках, все же в пятой книге описывает историю развития человечества, и в том числе переход от каменных орудий к медным, и затем — к железным. Сначала рассказывается о первобытных людях (Lucr. 925–1010), которых поэт впоследствии называет «землеродными» (*terrigena*; V.1411, 1427). Позже Лукреций возвращается к описанию поколения людей, которые пользовались медными орудиями (V. 1287–1292), а затем переходит к открытию железа и к современному состоянию человечества (1293–1308). Речь идет практически о двух поколениях: о «землеродных» людях и о дальнейшем развитии человечества, где медное и железное поколения практически объединены.

В творчестве Вергилия концепция мифа о веках претерпевает трансформацию. В четвертой эклоге есть упоминание о новом веке героев (*alter erit tum Tiphys, et altera quae vehat Argo | delectos heroas*, Ecl. IV 34–35) и о новом Золотом веке.

В «Георгиках» же, если говорить о первой книге, где речь идет об окончании Золотого века, веков два: Золотой и нынешний, который не называется Железным (хотя об изготовлении орудий из железа говорится — *ferri rigor*, I. 143). Более того, Золотой век также не назван таковым в первой книге поэмы. В 122–146 ст. речь идет о Сатурновом «времени до Юпитера» (*ante Iovem*, 125). Рассказ о медном поколении людей в «Георгиках» заменяет мрачное описание гражданских войн в конце первой книги, хотя читателю очевидно, что это происходит во времена Вергилия, то есть в Железном веке.

В то же время в конце второй книги после описания счастливой жизни земледельцев Вергилий пишет, что подобную жизнь когда-то вел «золотой Сатурн» (*aureus hanc vitam Saturnus in terris agebat*, II. 538). Это описание «Золотого века сейчас» напоминает о гесиодовских справедливом и несправедливом полисах (Perkell 2002: 24) и дает надежду на то, что это мифологическое время не до конца утрачено.

Золотой век в традиции также описывается по-разному.

Так, в «Грудах и днях» в жизни Золотого поколения не было старости и труда (Op. 113–114), а земля давала обильный урожай сама собой (117–118). В жизни справедливых людей (225–237) нет войн, несчастий и голода, земля также дает им обильное пропитание (но уже не сама по себе, хотя об этом не говорится прямо; ведь здесь речь идет уже не о Золотом веке, а о близких к нему условиях во времена века Железного).

В «Явлениях» Арата главным персонажем мифа о веках является Справедливость, и в Золотом веке она жила на земле вместе с людьми. Она побуждала их жить честно (Phaen.107). В ту эпоху люди вели простой образ жизни, не торговали и не плавали по морю (111), но все же, в отличие от гесиодовского и затем вергилиевского мифа о веках, пахали землю (112).

Лукреций в пятой книге «О природе вещей» пишет, что древние люди не пахали землю, а она порождала все «по своей воле» (*quod terra creatat / sponte sua*, V. 937–938). В их жизни не было огня (953–954) и законов (958–959). Это описание жизни древнейших людей не идеализировано, как миф о Золотом веке, но все же Лукреций отмечает, что, несмотря на все трудности, тогда не было и нынешних опасностей: войн и мореплавания (999–1001).

Открытие золота Лукреций упоминает позже (V. 1113), но это не связано с «Золотым веком». Наоборот, богатство развращает людей, заставляет испытывать страсти и заботы, а истинное счастье в том, чтобы жить, довольствуясь малым:

*quod si quis vera vitam ratione gubernet,
divitiae grandes homini sunt vivere parce
aequo animo...*

Если кто-то управляет своей жизнью верным принципом, великие богатства для людей — жить скромно и со спокойной душой (1117–1119).

Вергилий в первой книге «Георгик» пишет, что до Юпитера люди не подчиняли себе землю (*ante Iovem nulli subigebant arva coloni*, I. 125²). Земля, как и у Лукреция и Гесиода (Mynors 1990: 27; Thomas 1988: 89), приносила плоды сама, по своей воле (*ipsaque tellus / omnia liberius nullo poscente ferebat*, I. 127–128).

Это время также отличалось безопасностью и изобилием: описывается, как Юпитер затем сделал змей ядовитыми, волков — хищными, сделал так, чтобы появились морские бури, страхнул мед с листвы, положил конец тому, чтобы вино текло реками и скрыл от людей огонь:

*Ille malum virus serpentibus addidit atris
praedarique lupos iussit pontumque moveri
mellaque decussit foliis ignemque removit
et passim rivis currentia vina repressit* (129–132).

В конце второй книги Вергилий, подобно Гесиоду, пишет о простой и лишенной пороков жизни земледельцев, противопоставляя их горожанам. В их жизни нет раздоров и войн (*procul discordibus armis*, II. 459), справедливейшая земля сама дает им пропитание (*fundit humo facilem victum iustissima tellus*³, II. 460). В то же время сельские жители здесь очевидно занимаются земледелием, потому что живут во времена Вергилия, в железном веке; А. Цанкер называет это «сельскохозяйственным Золотым веком» (*agricultural golden age*, Zanker 2010: 501).

Их жизнь проста, и они, в отличие от горожан, терзаемых стремлением к наживе, умеют довольствоваться малым (*exiguoque adsueta iuventus*, II. 472), подобно людям Золотого века у Арата и прежде всего — мудрецу Лукреция (V. 1118–1119). В то же время жизнь крестьян во второй книге «Георгик» — явно не эпикурейский отстраненный идеал, а скорее традиционный римский: они трудятся сообща и «знают сельских богов» (*fortunatus et ille deos qui novit agrestis*, II. 493; о противоречии между эпикурейским познанием и знанием богов у Вергилия, см. Gale 2000: 11).

Золотой век в дидактических поэмах противопоставляется нынешнему времени, хотя миф о веках и не всегда иллюстрирует деградацию человечества.

² Почти софокловское восприятие труда земледельца как насилия над землей; см. также Nelson 1998: 83–84; 87.

³ См. также Sharshukova 2022a.

В «Трудах и днях» Гесиода мы находим мрачное предсказание о том, что боги дадут Железному поколению людей тяжелый труд, горе и заботы (κάματος, ὀϊζύς, μερίμναι — Ор. 177–178), люди перестанут быть гостеприимными и почитать старших (182–188), насилие заменит правду и справедливость (189–194), а Стыд и Справедливость покинут людей (Αἰδώς καὶ Νέμεσις — 197–201). Здесь в центре внимания Гесиода и ухудшение условий жизни (необходимость трудиться для выживания), и моральная деградация человечества. Несправедливым людям в Железном веке Зевс шлет в наказание голод и болезни (Ор. 243).

В «Явлениях» Арата смена Серебряного поколения медным ознаменована появлением войн (Phaen. 125). Люди Медного поколения также первыми начали есть мясо вола (131–132), о чем позже напишет Вергилий.

Главный персонаж аратовского мифа о веках — Дева, Справедливость, которая, ужаснувшись деградации людей, покинула их и отправилась на небо (Phaen. 133). В то время как у Гесиода тоже есть упоминания о том, как Стыд и Справедливость (Αἰδώς καὶ Νέμεσις) покинули человечество, ужаснувшись людским деяниям (Ор. 197–201), в «Трудах и днях» это лишь одна из многочисленных бед Железного века. У Арата же уход Справедливости — одно из важнейших событий этого мифа и главная беда нынешнего времени.

В поэме «О природе вещей» с открытием меди, а затем и железа в жизни людей появились войны и междоусобицы, а затем все новые виды оружия и ведения боя, которые Лукреций с ужасом описывает (inque dies belli terroribus addidit augmen — [раздор] день ото дня прибавлял новых ужасов войны, V. 1306).

Один из главных пороков человечества и даже «вина» (culpa, V. 1425) его поколения, как считает Лукреций — страсть к стяжательству и излишеству (nunc aurum et purpura curis / exercent hominum vitam belloque fatigant — сейчас золото и пурпур терзают жизнь людей и изматывают войной, V. 1423–1424).

С другой стороны, чуть выше Лукреций пишет, что в жизни людей появились одежда и огонь (V. 1011), они стали милосерднее и добрее друг к другу (1018–1020). После же рассказа о войнах и изобретении все новых и новых видов оружия он рассказывает о других, мирных, достижениях человечества: например, это развитие плодоводства и сельского хозяйства (V.

1350–1360), появление музыки (1378; после следует описание сельского праздника, как впоследствии в конце второй книги «Георгик»), прядение ткани (1411).

Прогресс у Лукреция — это не проявление божественной воли, а результат развития людей:

usus et impigrae simul experientia mentis
paulatim docuit pedetemptim progredientis

Нужда и опыт деятельного разума, идущего вперед шаг за шагом, постепенно научил [людей ремеслам и искусствам] (1452–1453).

В поэме «О природе вещей» деградация человечества не выглядит однозначной, хотя развитие цивилизации действительно принесло с собой беды и пороки, Лукреций воспекает и достижения человеческого разума в конце книги. А над свойственными современным людям пороками можно возвыситься и отстраниться от этих страстей.

Вергилий заимствует у Арата (Thomas 1988: 263) одну из характеристик людей Железного века: в «Георгиках» люди также отведали мясо быка (*impia quam caesis gens est epulata iuvenis*, *Georg.* II. 537). Это яркий пример *impietas* и впоследствии даже могло считаться правонарушением (Mynors 1990: 176).

Вслед за Аратом Вергилий в конце восхваления жизни в деревне упоминает о покинувшей землю Справедливости, последние следы которой остались в деревне (*extrema per illos / Iustitia excedens terris vestigia fecit*, II. 473–474). В то же время Вергилий не объясняет причин ее ухода (можно предположить, что она покинула человечество, особенно жителей городов в связи с их пороками).

Горожане во второй книге «Георгик» погрязли в пороках Железного века (даже законы названы «железными» — *ferrea iura*, 501; Thomas 1988: 256): это стремление к власти, к славе, к богатству, раздоры и междоусобицы (II. 501–512; Page 1963: 259; Perkell 2002: 25).

Там же, в конце второй книги, поэт пишет о войнах в связи с мифом о веках (во времена Сатурна, в Золотом веке не было войн, которые появились впоследствии):

necdum etiam audierant inflari classica, necdum
impositos duris crepitare incudibus enses

Тогда еще не слышали, как звучат трубы, и как звенят мечи на твердых наковальнях (II. 538–540).

О другой из гесиодовских бед Железного века, болезнях, Вергилий подробно пишет в конце третьей книги, где все живое погибает от страшной эпидемии.

В то же время, если обратиться к первой книге «Георгик», где излагается собственно миф о веках, мы видим, что основное отличие нынешнего времени от Золотого века — появление в жизни людей ремесел и труда. Люди научились добывать огонь, плавать по морю, наблюдая за светилами, охотиться и ловить рыбу, делать орудия из железа.

tum variae venere artes. Labor omnia vicit
improbis et duris ingens in rebus egestas

Тогда пришли разные ремесла. Непомерный труд и огромная нужда в тяжелых обстоятельствах победили все (I. 145–146).

Эти строки вызывают в памяти *usus et experientia mentis* Лукреция. В то же время, в отличие от «О природе вещей», у Вергилия это часть традиционного мифа о веках: люди не сами пришли к прогрессу, но их подтолкнул к этому Юпитер. В дальнейшем же Церера научит человека пахать.

Также у Вергилия появление труда выглядит мрачнее, чем воспевание деятельного разума у Лукреция, и *labor improbus* здесь напоминает скорее о гесиодовском *κάματος*, мучении для людей.

Хотя *labor improbus* можно интерпретировать по-разному⁴ (Jenkyns 1993: 243; Sharshukova 2022b: 117–119), в поэме есть разные образы труда — от тяжелого труда земледельца в первой книге, который практически находится в состоянии войны с природой (Nelson 1998: 83–84), до успешного завершения трудов Аристея в четвертой книге. К тому же, в первой

⁴ Campbell 1982: 567 пишет о положительных коннотациях *labor* в римской культуре и о связи этого понятия с *virtus*; Jenkyns 1993: 243 предлагает так называемую «прогрессивную» интерпретацию *labor improbus* — ведь труд привел к развитию. См. также Sharshukova 2022b: 118–119). В то же время ряд ученых (Richter 1957: 139–140; Mynors 1990: 29–30; Thomas 1988: 92–93) придерживается точки зрения, что *labor improbus* в «Георгиках» — тяжелый беспрестанный труд, который несет с собой страдания и часто оказывается бесплодным.

книге определенно нет речи о деградации людей: наоборот, необходимость трудиться и появление ремесел — это все же развитие⁵, хотя оно и дается тяжело⁶. Парадоксальным образом здесь поэт привносит лукрецианское воспевание прогресса в более традиционную версию мифа о веках.

Причины смены поколений (или окончания Золотого века) также по-разному представлены в дидактической традиции.

Так, у Гесиода миф о веках — один из нескольких излагаемых в первой половине поэмы мифов, одна из целей которых — показать всесилие Зевса (οὕτως οὐτι πῆ ἔστι Διὸς νόον ἐξάλέασθαι — никак невозможно избежать замысла Зевса, Ор. 105). Поколения в «Трудах и днях» действительно сменяются по воле Зевса, кроме Медного, которое погибло по своей собственной вине (Ор. 153–155). В некоторых случаях боги губят одно из поколений в наказание за их пороки (так погибло Серебряное поколение людей, 138–139). В то же время, если следовать справедливости и трудиться, боги позволяют людям избежать бед Железного века (225–237), в противном же случае они шлют им болезни, междоусобицы и войны. Вероятно, беды Железного века в «Трудах и днях» можно считать божественной карой, которую люди навлекают сами на себя.

Арат не называет прямо причины смены поколений, представляя этот процесс как естественный ход событий. Дж. Кэмпбелл даже полагает, что в «Трудах и днях» и «Явлениях» нет причинно-следственной связи между моральной деградацией человечества и наступлением Железного века (Campbell 1996: 236).

В то же время Справедливость покинула людей, ужаснувшись их деяниям (καὶ τότε μισήσασα Δίκη κείνων γένος ἀνδρῶν, Phaen. 133), то есть здесь также можно увидеть связь между

⁵ В то же время технический прогресс может нести с собой и моральную деградацию (Campbell 1982: 576); Вергилий же о пороках людей Железного века пишет, но только в конце второй книги, тем самым разделяя прогресс и декаданс.

⁶ Ст. Харрисон также отмечает, что Вергилий отвергает свойственное дидактической традиции «пессимистичное» представление о деградации людей со временем. Ученый рассматривает рассказ о металлах в *laudes Italiae* во второй книге «Георгик», который остался за рамками настоящего исследования (Harrison 2007: 148).

нравственным упадком и сменой поколений (т.е. ухудшением условий жизни людей). Также Зевс в «Явлениях» — благодетель, устроивший все на благо людей (ὁ δ' ἦπιος ἀνθρώποισιν δεξιὰ σπυρίνει, Phaen. 5–6), и поэтому ухудшение человеческого рода — следствие пороков самих людей, а не божественной воли.

В поэме Лукреция «О природе вещей» мы наблюдаем другую картину. Поскольку Лукреций пишет не о деградации человечества, а о его развитии со всеми бедами и достижениями, это естественный ход событий, а также триумф человеческого разума. Люди сами являются причиной своих бед и творцами своих достижений.

Вергилий прямо пишет, что Юпитер завершил Золотой век по своей воле, но не в качестве наказания, а чтобы подтолкнуть человечество к развитию, чтобы люди не закоснели в бездействии (*pes torpere gravi passus sua regna veterno*, I.124). Этот поступок Юпитера оценивается учеными по-разному (например, негативно («весьма сомнительное благодеяние») — Zanker 2010: 502; в большей степени положительно — Campbell 1982: 568).

Мы полагаем, что Юпитер в поэме все же скорее благосклонен к смертным, хотя, возможно, и не настолько, как у Арата. Вергилий называет его *pater* (*pater ipse*, I. 121), пишет о нем в тех же выражениях, что Лукреций — о благодетеле человечества Эпикуре (*primusque per artem*, I. 122 — *quique per artem*, Lucr. V. 10; Gale 2000: 66). И очевидно, что смена поколений в первой книге «Георгик» — не божественная кара.

В третьей книге, где рассказывается об эпидемии в Норике, причины ее подробно не описываются, говорится лишь (в духе Лукреция), что к болезни привели «непогода неба» и жара (*tempestas caeli, aestus*, III. 478–479). Чуму в третьей книге «Георгик» нельзя считать гесиодовской божественной карой.

В то же время, если снова обратиться к концу второй книги, где земледельцы существуют в условиях, близких к условиям Золотого века, здесь можно увидеть несколько другую картину, подобную гесиодовской: им позволено вести относительно безмятежное существование из-за их нравственных качеств, потому что они лишены пороков Железного века, свойственных горожанам, но трудятся и почитают богов.

В «Трудах и днях» Гесиода миф о веках имеет назидательный смысл, что, возможно, даже сближает его с басней⁷. Здесь осуждаются несправедливость, насилие и многие другие людские пороки. В то же время Гесиод, рассказывая о справедливом и несправедливом полисах, показывает, что, если жить справедливо, есть возможность избежать многих бед века Железного и приблизиться к условиям жизни Золотого.

Арат в «Явлениях» практически не поучает читателя, а отстраненно сожалеет об утраченном Золотом веке и об уходе Справедливости (хотя и осуждает людские пороки).

Лукрецию в поэме «О природе вещей» описание поэтапного развития человечества нужно скорее для того, чтобы объяснить нынешнее состояние, в том числе для того, чтобы опровергнуть традиционный миф о веках и показать, что причина прогресса — не божественная воля, а человеческий разум.

Как и во многом поэма в целом, миф о веках в «Георгиках» — синтез предшествующей дидактической традиции.

Во второй книге поэмы Вергилий подобно Гесиоду показывает, что земледельцы, ведущие честную и простую жизнь и почитающие богов, живут в условиях, близких к условиям Золотого века. Воздерживаясь от пороков, люди могут рассчитывать на благосклонность богов.

В то же время в первой книге, где излагается миф об окончании Золотого века, мы не находим ни сожаления о деградации, ни явного нравоучения. Автор здесь призывает читателя к труду, но прежде всего — показывает, как труд появился в жизни людей. Здесь миф о веках (как и у Арата) трансформируется в миф этиологический. В «Явлениях» сюжет о смене поколений объясняет происхождение созвездия Девы, а в «Георгиках» — появление одного из важнейших понятий поэмы, труда (*labor*)⁸.

⁷ Мы полагаем, что миф о веках был в числе характерных для басни сюжетов. Например, именно этот сюжет мы находим в прологе-вступлении у баснописца Бабрия. По всей видимости, миф о веках здесь заимствован у Гесиода, веков также пять. Как и во многих дидактических поэмах, люди в Золотом веке не знали лжи, а земля сама приносила плоды.

⁸ Также и второй важнейший для понимания «Георгик» миф об Аристее и Орфее формально этиологический: он объясняет происхождение бугонии (IV. 315).

Как и Лукреций, Вергилий не показывает очевидной деградации в мифе о веках. Наоборот, окончание Золотого века приводит к развитию человечества. В то же время Лукреций, отрицая вмешательство богов в жизнь людей, отказывается от традиционного мифа, а Вергилий к нему возвращается: ведь смена поколений в «Георгиках» происходит по воле Юпитера.

Литература

- Campbell, J. S. 1982: The Ambiguity of Progress: «Georgics» I, 118–159. *Latomus* 41, 566–576.
- Campbell, J. S. 1996: Labor improbus and Orpheus' furor: hubris in the Georgics. *L'Antiquité Classique* 65, 231–238.
- Gale, M. 2004: *Virgil on the Nature of Things: the Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Harrison, S. 2007: *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. Oxford: Oxford University Press.
- Jenkyns, R. 1993: Labor improbus. *The Classical Quarterly* 43, 243–248.
- Mynors, R. A. B. *Virgil. Georgics*. Ed. with a Commentary by R. A. B. Mynors. Oxford: Clarendon Press.
- Nelson, S. A. 1998: *God and the Land: The Metaphysics of Farming in Hesiod and Vergil*. Oxford: Oxford University Press.
- Page, T. E. 1963: *P. Vergili Maronis Bucolica et Georgica*. With introduction and notes by T. E. Page. London: Macmillan&Co.
- Perkell, C. 2002: The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Vergil. *Vergilius* 48, 3–39.
- Richter, W. 1957: *P. Vergilii Maronis Georgica*. Herausgegeben von W. Richter. München: Hueber.
- Sharshukova, O. V. 2022a: [Labor in Virgil's Georgics]. *Vestnik RGGU [RSUH Bulletin]* 6, 114–129.
- Шаршукова, О. В. 2022a: Labor в «Георгиках» Вергилия. Вестник РГГУ 6, 114–129.
- Sharshukova, O. V. 2022b: [Iustissima tellus in Virgil's Georgics]. *Indo-evropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 26, 2, 1181–1191. Индоевропейское языкознание и классическая филология 26, 2, 1181–1191.
- Thomas, R. F. 1988: *Virgil. Georgics*. Ed. by R. F. Thomas. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zanker, A. T. 2010: Late Horatian Lyric and the Virgilian Golden Age. *The American Journal of Philology*, 131, 495–516